

**МЕДИЦИНСКИЙ И ЮРИДИЧЕСКИЙ КРИТЕРИИ ОГРАНИЧЕННОЙ СПОСОБНОСТИ
СУБЪЕКТА К ОСОЗНАННО-ВОЛЕВОМУ ПОВЕДЕНИЮ**

Смирнов В.П.

Смирнова Т.Г.

Аннотация: ограниченная способность субъекта осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими может быть обусловлена как психопатологическими (болезненными), так и психологическими (возрастными, личностными) факторами. Учет и разграничение этих факторов необходимы для правильной правовой оценки поведения субъекта.

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, медицинский и юридический критерий ограниченной вменяемости, возрастная невменяемость, не мог в полной мере осознавать либо руководить действиями.

Одной из основных задач, решаемой судебными психологической, психиатрической, а также комплексной психолого-психиатрической экспертизами является определение меры способности субъекта к осознанно-волевому поведению в правозначимой ситуации, - могло ли лицо осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. Вариантами решения данной задачи выступают ответы «могло», «не могло» и «не могло в полной мере». Последняя формулировка, являющаяся составной частью различающихся правовых и психолого-психиатрических экспертных конструкций, нередко вызывает неоднозначное понимание у «заказчика» экспертизы - суда или следствия. Данная формулировка буквально отражена в двух уголовно-правовых конструкциях – так называемой возрастной невменяемости, – ч. 3 ст. 20 УК РФ, и ограниченной вменяемости, – ст. 22 УК РФ. При этом, в отличие от положений ч.3 ст.20 УК РФ, применение ст.22 УК РФ подразумевает наличие как медицинского критерия, констатирующего психическое расстройство у обвиняемого, так и юридического критерия, констатирующего частично нарушенную способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (интеллектуальный признак) либо руководить ими (волевой признак). Не ставя перед собой задачи всестороннего анализа этих конструкций, отметим, что в них одна и та же формулировка: «не мог (или не могло) в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими», соотносится с разным уголовно-правовым статусом субъекта. В случае, описываемом ч. 3 ст. 20 УК РФ речь идет о варианте так называемой «возрастной невменяемости» вследствие отставания несовершеннолетнего в

психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, с закономерным итогом – освобождением от уголовной ответственности. Статья 22 УК РФ с той же формулировкой, - «не могло в полной мере», устанавливает так называемую «ограниченную вменяемость», которая является вариантом вменяемости, в данном случае – лица, страдающего психическим расстройством и, как итог – подлежащего уголовной ответственности.

Другими словами, при совпадении юридических критериев двух статей УК РФ (ч. 3 ст. 20 и ч. 1 ст. 22), законом предусматриваются принципиально различные правовые последствия (не привлечение и привлечение к уголовной ответственности), что «в определенном смысле дискриминирует подростков с психическими расстройствами»¹. К настоящему времени накоплен опыт применения положений ч.3 ст.20 УК РФ, который большинство специалистов оценивают как недостаточно удовлетворительный, связывая это в первую очередь с неоднозначностью формулировки и толкования понятия «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством».

Представляется, что правоприменение ч.3 ст.20 УК РФ осложняется ещё одним обстоятельством – нечеткостью формулируемых экспертами-психологами выводов по результатам производства комплексных психолого-психиатрических экспертиз. Так, по приговору Волгоградского областного суда от 1 марта 2013 г. Б. признана виновной в содействии террористической деятельности, выразившемся в склонении путем уговоров и предложений Ф. и Д. выехать в <...> с целью вступления в незаконное вооруженное формирование и подготовки к совершению террористического акта путем самоподрыва, а также в склонении путем уговоров и предложений К. выехать в <...> с целью вступления в незаконное вооруженное формирование. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила без удовлетворения апелляционную жалобу защитника с просьбой об отмене приговора и освобождении Б. на основании ч. 3 ст. 20 УК РФ. В своей жалобе защитник сослался на заключение стационарной комплексной психолого-психиатрической экспертизы, свидетельствующее об отставании Б. на момент совершения ею общественно опасных действий в психическом развитии. Указанное обстоятельство, по мнению адвоката, дает основания для вывода о том, что Б. не подлежит уголовной ответственности как лицо, которое вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. Считая утверждение адвоката безосновательным, Судебная коллегия указала, что согласно заключению комиссии врачей-психиатров, несмотря на то что Б. и обнаруживает признаки психического расстройства, не исключаяющего вменяемости, в форме смешанного расстройства личности с преобладанием черт инфантилизма и психической незрелости со склонностью к сверхценным образованиям, в связи с чем она не могла в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, каким-

---

¹ Информационное письмо Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации «О применении ч.3 ст.20 УК РФ». М., 2004.

либо хроническим психическим расстройством, слабоумием или иным болезненным состоянием психики, исключаящими вменяемость, не страдала и не страдает.¹ При этом Судебная коллегия сочла, что с учетом выводов комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы суд обоснованно в соответствии с ч. 2 ст. 22 УК РФ принял решение о применении к осужденной наряду с наказанием принудительной меры медицинского характера.

Несмотря на то что принятое решение сомнений в правильности не вызывает, мотивировка отказа в удовлетворении жалобы защитника выглядит противоречивой. Судебная коллегия акцентировала внимание на отсутствии у Б. психической аномалии, исключаяющей ее вменяемость. Между тем, именно отсутствие у несовершеннолетнего психического расстройства открывает возможность для применения ч. 3 ст. 20 УК РФ. Вследствие этого, целесообразной была бы следующая аргументация: согласно заключению комиссии у Б. обнаруживаются признаки психического расстройства, следовательно, отставание в психическом развитии Б. рассматривается в связи с имеющимся у неё психическим расстройством; вследствие этого оснований для применения ч. 3 ст. 20 УК РФ (которая предусматривает наличие у несовершеннолетнего отставания в развитии, не связанного с психическим расстройством), не обнаруживается.

Очевидно, что в пользу подобной аргументации послужил бы и четко сформулированный вывод эксперта-психолога с указанием природы отставания Б.. Упомянутое ранее Информационное письмо «О применении ч.3 ст.20 УК РФ» также содержит указание на то, что, в случае квалификации психиатром психического расстройства, эксперт-психолог должен сформулировать вывод о том, что выявляемое у несовершеннолетнего отставание в психическом развитии, проявляющееся в ... (указать, в чем оно проявляется), связано с имеющимся у него психическим расстройством.

При этом необходимо подчеркнуть: вывод эксперта-психолога о том, что несовершеннолетний не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемых им противоправных действий (бездействия) либо руководить ими в силу имеющегося у него отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не противоречит выводу эксперта-психиатра о том, что у несовершеннолетнего не выявляется психического расстройства, которое лишало бы его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемых им противоправных действий (бездействия) либо руководить ими. Лежащий в основе заключения суда о вменяемости несовершеннолетнего вывод психиатра относится к клиническому, психопатологическому (болезненному) фактору, который может влиять на осознанность и произвольность действий субъекта, и этот фактор представлен той или иной формой психического расстройства. Психолог же оценивает другой фактор, способный оказать аналогичное влияние на осознанность и произвольность действий - отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством.

---

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2013 г. № 16-АП/13-3

Опыт взаимодействия экспертов со следственными, судебными органами показывает, что нередко подобные затруднения в интерпретации экспертных выводов встречаются и в случаях производства комплексных экспертиз в рамках ст. 107, 113 УК РФ. В частности, сочетание выводов эксперта-психиатра о том, что «в период инкриминируемого деяния <...> хроническим, временным психическим расстройством, слабоумием, иным болезненным состоянием психики не страдал <...> мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими...» с выводами эксперта-психолога о том, что индивидуально-психологические особенности обвиняемого и/или состояние физиологического аффекта, иного выраженного эмоционального состояния «оказали существенное негативное влияние на сознание и поведение обвиняемого, снизив его способность к осознанно-волевой регуляции своих действий» вызывает у правоведов дополнительные вопросы в связи с тем, что они оценивают такое сочетание выводов психиатра и психолога как противоречивое. Вследствие этого нередко требуются дополнительные разъяснения со стороны экспертов о том, что психиатр оценивает полную сохранность к осознанию и руководству своими действиями исходя из психопатологического (болезненного) критерия (т.е. на основании наличия или отсутствия какого-либо психического расстройства), что не выступает препятствием для констатации экспертом-психологом вывода об ограничении и снижении способности обвиняемого к осознанно-волевому поведению вследствие фактора психологической природы, представленного юридически релевантным эмоциональным состоянием и/или особенностями структуры личности обвиняемого. Другими словами, с экспертной точки зрения, сочетание подобных формулировок не является противоречивым и взаимоисключающим.

Анализ практики применения статей УК РФ, выступающих правовым основанием для экспертной оценки ограничения способности субъекта к осознанно-волевому поведению, свидетельствует, что наиболее распространенной формой комплексирования психиатрических и психологических знаний являются параллельные исследования, когда каждый из экспертов реализует собственную компетенцию. Другими словами, психиатр и психолог проводят исследование в рамках своей специальности, при этом психопатологические (болезненные) и психологические факторы, лежащие в основе ограничения способности к осознанно-волевому поведению, исследуются психиатром и психологом параллельно, после чего каждый из экспертов формулирует выводы, которые входят в компетенцию лишь одной специальности. Как показано выше, такая форма параллельных выводов и даёт основание правоведам расценивать их, в некоторых случаях, как противоречащие друг другу. Экспертная оценка ограниченной способности к осознанно-волевому поведению (ч.3 ст.20, ст.22, ст.ст.107, 113 УК РФ), являясь методологически сложной вследствие необходимости одновременного учёта факторов различной природы (болезненной, личностной, эмоциональной), требует совместного психолого-психиатрического определения юридической релевантности особенностей психической сферы. В этом случае комплексный анализ экспертов разных специальностей наиболее полно может быть реализован при объединении

выводов психолога и психиатра в единое обоснование в виде интегративных (совместных), а не параллельных выводов.

Библиографический список:

1. Информационное письмо Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации «О применении ч.3 ст.20 УК РФ». М., 2004.
2. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2013 г. № 16-АПУ13-3

References:

1. Information letter of the State Scientific Center of Social and Forensic Psychiatry. VP Serbsky of the Ministry of Health of the Russian Federation "On the application of part 3 of Article 20 of the Criminal Code of the Russian Federation". M., 2004.
2. The appellate ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 16 May 2013 No. 16-APU13-3

Smimov V.P.

Smimova T.G.

MEDICAL AND LEGAL CRITERION OF CONCERNING LIMITED ABILITIES OF THE SUBJECT TO CONSCIOUS AND STRONG-WILLED BEHAVIOR

Abstract: *The limited ability of the subject to realize or direct the actual character and public danger of the actions can be caused both psychopathological (painful), and psychological (age, personal) by factors. The account and differentiation of these factors are necessary for the correct legal assessment of behavior of the subject.*

Keywords: *the comprehensive forensic psychological and psychiatric examination, medical and legal criterion of diminished responsibility, age-specific responsibility, inability to realize or to direct the actions.*

Сведения об авторах:

Смирнов Василий Петрович, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Смирнова Татьяна Геннадьевна, психолог стационарного отделения судебно-психиатрической экспертизы для лиц содержащихся под стражей, СПб ГКУЗ «Городская психиатрическая больницы № 6 (стационар с диспансером)»; старший преподаватель кафедры психологии кризисных и экстремальных

ситуаций факультета психологии Санкт-Петербургского Государственного университета.

About the authors:

Smirnov Vasilii P., senior lecture of the Department of public procurator's supervision and participation in criminal, civil, and arbitral proceeding, Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, St. Petersburg Law Institution (branch)

Smirnova Tatiana G., senior psychologist of Psychiatric clinic № 6, Saint-Petersburg; senior lecture, Saint-Petersburg State University